

День у Доун Эллис выдался еще более трудным, чем обычно.

Она закончила сворачивать эластичный бинт и убрала его в белый шкафчик под раковиной в смотровом кабинете. Затем она приступила к дезинфекции крошечного помещения, используя баллончик с отбеливателем, резиновые перчатки до локтей и впитывающую салфетку, которой старательно вытиралась. Помимо обычного списка злых пьяниц, наркоманов, избитых проституток и отчаявшихся родителей-одиночек, она полчаса беседовала с офицером полиции.

До нее дошли слухи, что она лечила уличного бродягу, получившего огнестрельное ранение в грудь, и это было примерно точное описание, которое требовалось полиции, прежде чем она приступила к работе. Она солгала мужчине, отпихнула его с дороги, потому что обещала Бобу не выдавать его.

Это было не очень хорошо. У нее были проблемы с тем, как полиция относится к людям в ее районе, но когда стреляли в ее сына, они были просто великолепны: они сделали все возможное, чтобы поймать и привлечь к ответственности молодого человека, который устроил наезд. Но... у нее было особое чувство по отношению к Бобу, что, возможно, он стоит этих усилий как человек. Человек, который почти не произносил ни слова во время двух-трех ежегодных визитов, он заставил ее беспокоиться о нем больше, чем о работе.

Она подозревала, что это ошибка. Она сморщила нос от паров отбеливателя, исходящих от чистящего средства.

За ранним утренним визитом офицера последовала череда пациентов с неприятными травмами и неприятными поворотами; сборщик бутылок, зацепившийся за проволоку; пенсионер с грибком на ноге; жирный продавец фруктов из нескольких кварталов, который только и делал, что пялился на ее грудь и отпускал бестактные намеки. В обычный день ей приходилось ассистировать доктору Жирару или доктору Фосетту. Но это было уже не так, и список ее обязанностей перед перегруженными пациентами приемной, казалось, рос с каждой неделей.

В дверь смотровой комнаты постучали. Мгновение спустя рука слегка приоткрыла ее, и внутрь просунулась голова. Это был мальчик, вероятно, лет десяти. У него были всклокоченные каштановые волосы и обеспокоенный взгляд.

— Сестра Эллис?

— Вы не должны были сюда возвращаться... — она держала свою тряпку в руке в резиновой перчатке.

— Мне пришлось соврать в регистратуре и сказать, что мне нужно найти медсестру моего отца. — он выглядел смущенным, его руки были засунуты в боковые карманы старой джинсовой куртки, которую любили показывать в старых фильмах 80-х годов, пушистый воротник из белой шерсти был тусклым и серым. — Извините. — пробормотал он. — Как... я имею в виду... это действительно важно.

— Кто-о-о...

— Человек... Я имею в виду, человек, которого мне нужно найти... он не мой отец. Мама сказала мне, что я должна найти его в случае непредвиденных обстоятельств и... ну... Я имею в виду... У меня очень большая проблема.

— И кто-то сказал тебе... — она отложила бутылку с отбеливателем.

— Они сказали, что ты знаешь Боба Синглтона.

— Я не могу обсуждать информацию о пациенте с человеком, который только что пришел с улицы. — Доун не могла не показать своего удивления.

— Я думаю, что он может быть в опасности. Я думаю... Я имею в виду, я знаю, что это так.

Она положила салфетку у раковины. Доун подошла к двери и, положив руку на спину мальчика, осторожно повела его в сторону коридора.

— Тогда тебе нужно позвонить в полицию, вот что тебе нужно сделать.

— Я... я не могу. Они могут быть замешаны.

— У тебя есть номер родителей? — мальчик был встревожен не на шутку. — Кому я могу позвонить?..

— Они мертвы. Они... Перед смертью мама сказала мне найти Боба Синглтона. Они... — его страдание росло, и он что-то говорил, избегая информации.

Она не хотела заставлять его бежать. Но...

— Послушай, даже если бы я хотела тебе помочь... Боб, как говорится, «без определенного места жительства». У него нет дома, детка. Так что...

— Он живет на улице? — мальчик выглядел растерянным.

— Ага. — она мягко улыбнулась и кивнула, несмотря на его бестактность. — Такое случается с людьми, хочешь верь, хочешь нет. Очень многие, как Боб, предпочитают оставаться там. Есть вроде бы хорошая книга на эту тему; она советует нам «не суди, да не судим будешь».

— Библия? — он был в большом замешательстве и совершенно не уверен.

— Ага. Ну, как я уже сказала, больше ничем помочь не могу...

— Пожалуйста! — он схватил ее за руку, потом увидел ее беспокойство и отпустил. — Простите! Я ничего не имел в виду, просто... Мне нужно найти его. Мне страшно, понимаете?

Она вздохнула. Она заботилась о Бобе, как и обо всех своих пациентах. Но он доставлял ей неприятности в течение двух дней. Может быть, мальчик был его. В любом случае, это была его проблема.

— Я не могу тебе много рассказать, но полгода назад, в конце прошлой зимы, когда была сильная буря, я пошла за ним в его ночлежку — он называет ее «флоп» — чтобы убедиться, что он живет нормально. Переулок между Северной Пеорией и Хаббардом, недалеко от скоростного шоссе. Это лучшее, что я могу сделать. А теперь... давай я позвоню кому-нибудь за тебя...

— Спасибо! — мальчик быстро пошел по коридору. — Вы... просто, спасибо. — он повернулся и побежал прочь из поля зрения, в зону ожидания и к входным дверям.

Доун тупо смотрела в коридор, размышляя, правильно ли она поступила. Она слышала смешивающиеся голоса, звуки движения говорили о том, что в зале ожидания сейчас многолюдно, так как день сменяется ночью. Через несколько мгновений она отпустила эту мысль и вернулась в смотровую.

Дезинфицировать себя она не собиралась... Она взяла баллончик и вернулась к работе.

«Нельзя вмешиваться. Не могу беспокоиться о каждом ребенке, который проходит через общество...»

Но трудно было удержаться.

Западная Петля и Греческий город были ее работой и домом на протяжении десяти лет. Она заботилась о людях, живущих там. Он выглядел отчаявшимся. Она закончила протирать краны, затем снова поставила бутылку. Она подошла к двери и посмотрела по коридору в сторону входа.

«Ты устала и нуждаешься в отдыхе. Поэтому ты и не задавала ему больше вопросов.»

Она чувствовала себя виноватой за то, что оставила его заниматься своими делами. Ее размышления были прерваны тем, что в коридор вошел еще один человек — пожилой мужчина...

— Сэр... Вам нельзя сюда возвращаться.

— Сестра Эллис?

— Угу.

«Что теперь?»

— Я — Аллан Темпл; я доцент Лойолы. Вы разговаривали в последнее время с подростком? Чуть ниже меня ростом? Он друг моего друга, и я беспокоюсь за него. Мне кажется, у него могут быть большие проблемы.

<http://tl.rulate.ru/book/108114/4005544>